

Я. Ильясов

Заклинатель Змей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Я11

Я. Ильясов

Я11 Заклинатель Змей / Я. Ильясов – М.: Книга по Требованию, 2024. – 408 с.

ISBN 978-5-458-27169-1

Повесть о трудной судьбе, удачах и неудачах поэта, ученого, несравненно-го Омара Хайяма. Знаменитый поэт, астроном, математик Омар Хайям (1048-1131) перенес за долгую жизнь много тяжких испытаний: наветы и опалу, бедность и непонимание со стороны окружающих. Однако ни разу не изменил он себе. Своим талантом он боролся за справедливость. За столетия имя Хайяма обросло маловероятными легендами; в книге Явдата Ильясова делается смелая попытка прояснить сложный образ ученого и поэта.

ISBN 978-5-458-27169-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

чий голос.— Разве мы все — не временные постояльцы в этом мире, старом ничтожном рибате нужды и бедствий?..

18 мая 1048 года в мрачной Газне, в позорном плену, тяжко занемог великий мученик-мыслитель Абу-Рейхан Беруни. Он уже знал: дни его сочтены. Но не знал, кто подхватит зажженный им факел высокой учености.

В тот же день, на восходе солнца, в Нишануре, у палаточника Ибрахима, случилось радостное событие: жена подарила ему сына, которого и нарекли именем кратким и звучным — Абуль-Фатх Омар.

Поскольку в час его рождения Солнце и Меркурий находились в третьем градусе Близнецов и земная долгота Меркурия совпадала с долготой Солнца, а Юпитер держался по отношению к ним в тригональной точке, Омару предсказали богатство, много детей, удачливость в делах.

... К их костру, не стесняясь, подсел пожилой человек в невероятно облезлой шубе, с которой никак не вязалась дорогая пышная чалма на его лобастой голове. Изжелта-бледным, изрытым, как строительный камень ракушечник, было худое лицо с прямым тонким носом. Седая борода растрепалась.

Чадра соскользнула с лица испуганно отодвинувшейся женщины, твердый рот ее округлился безразлично, но вместе с тем и сострадательно. Оказалось: не так уж она молода, но что и впрямь хороша — это увидел всякий.

Он протянул к огню ладони — узкие, смуглые. Же-

пина, вновь закрывшись, взглянула на них тайком — и безотчетно тронула грудь...

— Выходит,— сказал он с обидой,— аллах, который сам предопределил нашу бедность, сам же и закрыл нам путь к нему. Что ж!— Его тонкие губы скривились в злой усмешке.— Обойдемся без него. Но обойдется ли он без нас? Без нашей веры, без наших молитв, без наших приношений?

— Несчастный!— вскричал имам оторопело.— Ходишь ли ты в мечеть?

— Забрел на днях,— зевнул скучающе паломник.— Как-то раз мне удалось стянуть моленный коврик. Я и задумал новый достать...

Уже в раннем детстве Омар повергал взрослых в остолбенение ясным умом и, можно сказать, совершенно невероятной памятью.

Впрочем, как где-то сказано, изумительная память бывает и у сумасшедших.

Худенький, бледный, лобастый, он часто недомогал, был застенчив и слабосилен, зато обладал необыкновенным тайным упорством, острым воображением и чуткостью. От обиды, особенно незаслуженной, он замыкался наглухо в себе. Но порой безграничное самолюбие заставляло его, внезапно вспыхнув, нападать на мальчишек намного старше. Нападать — и бить. Чем попало, лишь бы доказать свое.

Забияку пинали, толкали, дубасили палками, чтоб отвязался — нет, весь в слезах, окровавленный, он не отставал от них, пока в драку не вмешивался кто-нибудь из взрослых прохожих.

... В углу — смех.

Имама охватил озноб, будто ветер, гудевший снару-

жи, внезапно проник к нему под меха. Трясаясь от негодования, он огляделся: на этих бродяг мало надежды, они не помогут, крамольный болтун для них — свой; нет ли поблизости...

— Нет,— огорчил старика нелепый странник.— Нет мухтасиба, блюстителя нравов! Не озирайся напрасно, шею свихнешь. Его задрал у Нишапура тощий волк. Задрал — и подох, бедный зверь. Отравился, видать, его праведной кровью.

В рибате стало тихо, как в склепе.

... Он встал — прямой, как доска, несмотря на возраст,— мигнул смотрителю подворья, остроглазому проныре, и пропал с ним где-то в темном углу. Позже вновь появился в освещенном кострами пространстве — уже без своей великолепной чалмы, в чужой драной шапке, но зато освеженный, весь подобравшийся, помолодевший.

Впалые щеки его раскраснелись, глаза прояснились, в них заиграл озорной, как у юнца, весенний блеск. Он вновь мигнул, теперь — обомлевшей женщине, лихо сдвинул шапку набекрень — и пошел себе прочь, чуть качаясь, безразличный к теплу и холоду и к человеческой злобе.

...Его прямо-таки изнуряла, как иного — болезнь, острая любознательность. На дворе падал снег или хлестал дождь проливной — Омар не мог усидеть дома, у теплой жаровни. Он натягивал на голову старый отцовский толстый халат и незаметно выбирался наружу. Долго бродил в саду между голыми мокрыми деревьями, ни о чем не думая, просто впитывая холод и шум дождя.

Затем залезал в чашу юных вишенкок-прутьев, выбившихся из корней вокруг взрослых деревьев, и часами тор-

чал в них, безмолвный, омываемый студеным потоком неба.

И ни о чем не думал. Лишь где-то подспудно, в самых глубоких недрах сознания, как чей-то смутный и настойчивый зов, звучали, слагаясь слово к слову, чьи-то стихи Чьи? Неизвестно. Может быть, уже свои. Те, которые когда-нибудь напишет. Никто не искал мальчишку, ни кто не звал, не тащил домой. Мать уже махнула рукой на него.

Омар впадал в первобытный дикий экстаз, если случалось землетрясение или свирепый ураган, налетев, ломал в Нишапуре дряхлые ивы. Хорошо ему было укрываться в густых кронах упавших деревьев, пока их не изрубили и не растащили по дворам, сидеть в зеленом сумраке — и мечтать. О чем? О чем-то неясном, но совсем необыкновенном.

Родители смеялись:

— Дурачок!

Когда его, как и всех детей, спрашивали, кем он хочет быть, он, к ужасу родных, отвечал: «Бродягой». У него был красивый почерк. Он терпеть не мог недомолвок и околичностей и во всем любил точность: в мыслях, словах и делах. Закадычных друзей у него не водилось. Почему-то Омара никто не любил. Даже родная мать.

Ибрахим, находя его поздней ночью уснувшим за книгой, говорил со вздохом: «Он, наверное, за книгой и уходит когда-нибудь».

Что и сбылось в свое время.

Еще до того, как его, семи лет, отвели в приходскую школу, Омар умел хорошо читать и писать, и потому учиться вместе с другими детьми ему было скучно. Он часто отлынивал от уроков, уходил бродить один в окрестных садах. Тем не менее, в десять лет уже знал грамматику, теорию словесности, стилистику и приступил к индийскому счету, к алгебре и геометрии.

— Я говорил тебе: он этим кончит, — хмуро шепнул жене краснобородый купчик.

— И кто сей злодей? — строго уставился на них имам, заподозрив спутников в каких-то давних и недобрых связях с нечестивцем.

— Тот... как его, — смутился купчик, — знаменитый... неудачник... пьяный звездочет... — Он боязливо оглянувшись и тихо произнес короткое имя.

— О?! — воскликнул потрясенный священнослужитель. — Кто бы мог подумать...

— Он самый. — Обернувшись к жене, краснобородый вовсе помрачнел. И жестко изрек: — Пропавший человек! Истинный мусульманин, — возвестил он самодовольно, — должен заниматься полезным, богоугодным делом: торговлей, приумножением своего достояния. А этот шалопай всю жизнь растратил... на что? На вино и стихи. Разве стихи к лицу мужчине? Женское занятие. — Он взглянул на жену. — И стихи-то какие? Добро бы о розах да соловьях. Нет, у него они — вредные. Они будоражат человека, заставляют думать, сомневаться. — И он заключил уверенно: — Конченный человек!

А пьяный звездочет?

Уже у ворот с его лица как ветром сдуло напускную веселость, ее сменила горькая озабоченность. Радоваться нечему! И так — всегда: на людях он беспечно смеется, наедине с собой — задумчив, угрюм. Если только не расшепшит какая-нибудь забавная мысль, шальное воспоминание.

Зачем он пил при них? Путник жалел чалму, деньги были. И нынче ему не хотелось пить. Стар он уже, с годами все хуже и хуже. Но чем-то надо было досадить наглецам?

Чем омываться нам, как не вином, друзья?
Мила нам лишь в кабаке ведущая стезя.
Так будем пить! Ведь плащ порядочности нашей
Изодран, залатать его уже нельзя.

Ни кражей, ни ложью, ни подлостью их не проймешь: и то, и другое, и третье для них — дело обычное, привычное. Лишь нарушив один из важнейших запретов святого писания, сумеешь возмутить их тупую безмятежность. Ишь, мозгоблуды: бедняку на богомолье сходить — и то грех...

Всю жизнь сочиняя стихи, он привык, в поисках слов, строк и рифм, бормотать их себе под нос; и, поскольку, к тому же, он и думал не так, как иные — расплывчато, безотчетно, а ясными точными фразами, произнося их мысленно, как вслух, — это исподволь переродилось у него в привычку вслух разговаривать с самим собою, чему способствовало еще и одиночество.

— Неужто, — сказал себе странник с укором, — ты обречен всю жизнь лицедействовать? Вся жизнь — потеха. Скоморох! Не хватит ли их дразнить? Язык отрежут. — Но, представив гладкое лицо и красную бородку торгаша, имамову теплую шубу, он опять разозлился, встряхнул головой. — Пусть! Разве я их первый задел? Сами всюду лезут с дурацкими поучениями. Вот он, весь тут, благонравный обыватель-стяжатель. Самый гнусный зверь на земле! Не имея крупицы добрых знаний в башке, он берется судить других. Еще хуже, если ему удалось запомнить чье-то изречение — мудрое, глупое: он орудует им как дубиной. Уж он от тебя не отстанет, пока не грохнет по голове. Чтоб уравнять твой разум со своим, загнать тебя в общее стадо.

И — с мальчишеской удалью:

— Буду их дразнить! Буду их изводить. Пусть хоть голову отрежут...

Он забыл, вернее — приглушил, отодвинул на время, бесшабашно махнув на то рукой, — что именно страх за свою голову погнал его в Мекку, которая нужна ему, как черту — рай.

Нет никакой охоты тащиться в такую даль. Но идти надо. Вот схожу на богомолье, надену зеленую чалму святого, — тогда попробуйте тронуть меня хоть пальцем. Надо идти. И он шагал себе по белой пустыне, стуча палкой и задубелыми ногами по ледяной дороге, и с грустью, которую уже давно не мог преодолеть, напевая что-то, на слух — весьма жизнеутраченное.

Хорошо ему было с привычной светлой грустью, устойчивым душевным равновесием, спокойной уверенностью в своих неисчерпаемых глубинных силах. Это — главное. Все остальное чушь. Суета. Что губит судьбу человеческую? Ядовитая пыль житейских мелочей. Он давно страхнул ее с души, как иной после долгих дорог отряхивает прах с разбитых ног.

Сказано в древней «Песне арфиста»:

«Совершай дела твои на земле по велению сердца твоего и не горюй до того, как придет к тебе оплакивание. Не слышит воплей тот, чье сердце успокоилось, и слезы никого не спасли от подземного мира. Проводи радостно день, не унывай. Никто не уносит своего добра с собою. Никто не вернулся, кто ушел».

Будь жизнь тебе хоть в триста лет дана —
Ведь все равно она обречена,
Пусть ты халиф или базарный нищий,
В конечном счете — всем одна цева.

...На повороте ему попала замерзающая птица. Он задел ее ногою, даже пнул, сочтя за грязный, обледевший ком снега. Она встрепенулась! Нагнулся, разглядел: ворона. Редкая ворона. Белая. Путник подобрал ее и отогрел за пазухой.

А глаза смуглой женщины в рибате все смотрели в огонь, и в них мучительно рождалась тайная мысль.

Часть первая

СОЗВЕЗДИЕ БЛИЗНЕЦОВ

Приход наш и уход — загадочны. Их цели
Все мудрецы земли осмыслить не сумели.
Где круга этого начало, где конец,
Откуда мы пришли, куда уйдем отселе?

Омару исполнилось 10 — пирамиде Хеопса 3880. Апшурбанипалово хранилище писем погибло за 1670 лет до этой поры. Аристотель умер 1380 лет назад. Улугбек родится через 336 лет. Джордано Бруно сожгут на костре через 542 года.

И десяти лет от роду Омар впервые выехал из Нишапура — в Астрабад, неподалеку от которого, в деревушке Баге-Санг, его родитель, зажиточный мастер Ибрахим, купил перед тем дом и садик для летнего отдыха.

— Не надо бы ехать. Время тревожное.

— Милостив бог, — сказал Ибрахим. Но на всякий случай опоясался саблей и вооружил трех своих здоровенных работников не менее здоровенными дубинами.

— Безграничен аллах в своих милостях! — ликовал Ибрахим в дороге. — Небывалый нынче хурдад (месяц май.) В иной год в эту пору трава уже выгорает, деревья густо заносит пылью, — встряхнешь — с головою накроет. А сейчас? Каждую ночь гроза и ливень, днем солнце сверкает. Воздух чист, всюду свежая зелень...

Восторг не мешал ему думать о выгоде, — наоборот, возрастал от мысли, отрадной и дельной: «Лето будет дождливым — повысится спрос на палатки».

Отделившись от каравана, они свернули на Фирузгондскую горную дорогу. Влажный твердый путь уходил впе-

реди за черную скалу. И казалось — дорога звенит, слагаясь со всеми своими подъемами, спусками и поворотами в задумчивый тихий напев.

Для Омара — каждое утро праздник; проснувшись, он уже знал — сейчас произойдет что-то необычайное. Будет солнце, снег или дождь. Будет ветер. Вкусный горячий хлеб. Книга. Белая роза, — от нее так прохладно в жару. Будет тайна. Будут разговоры. Что-то будет! И это уже чудо.

— Все промыто дождем, все блестит — и небо над синей горой, и камни, и листья! — Если бы то, что Омар испытывал сейчас, могло, как по волшебству, изменить его суть, мальчик, тут же вспорхнув, защебетал бы вместе с птичками в придорожных кустах.

— Сегодня день твоего рождения, — улыбнулась мать. Ибрахим:

— Дай бог, чтобы вся твоя жизнь была такой же ясной и блестящей, как это счастливое утро. Безграничен аллах в своих милостях! — И, хлестнув лошадь, он вывел повозку — прямо к шайке турецких грабителей.

Они толпились, спешившись, в устье зеленой лощины, нисходящей к дороге по склону горы. В узких глазах жестокость и жадность, тупая неумолимость. Руки железные. Лбы медные. Сердца гранитные. Не жди от них пощады.

— Стой! — рявкнул молодой туркмен в большой мохнатой шапке.

Переваливаясь на кривых ногах природного наездника, темный и дикий, он медленно и зловеще подступил к остановившейся повозке, угрюмо уставился на дубины в руках работников Ибрахима. Обернулся к своим (человек пятнадцать) — и разразился долгим скрипучим смехом.

— Смотрите, а? Вооружились. Хе-хе-хе... — И грозно — ближайшему работнику: — Это для кого же, собачий сын,